

УДК 167-340.115(075.8)

**М.В. Масаев, доцент, канд. ист. наук**

*РВУЗ «Крымский гуманитарный университет»*

*ул. Севастопольская, 2, г. Ялта, Украина, 98635*

*E-mail: cic@cshi.crimea.edu*

## **СИМВОЛ КАК КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

*Доказывается символичность коллективистических обществ в Новое и Новейшее время, которая не зависит от специфики развития общества*

В экзистенции Нового и Новейшего времени при постижении парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций складывается имажинация, что коллективистические общества все более и более уходят в прошлое, уступая давлению авторитета глобалистического индивидуализма, претендующего на мондиализм, но креатизация этой имажинации не может игнорировать того, что история уже не раз доказывала и поразительную жизнестойкость коллективистических обществ, и удивительную быстроту, с которой коллективистические идеи захватывают массы людей. А поскольку возрождение коллективистических обществ может произойти внезапно и очень быстро, весьма актуальной представляется философская легитимация коллективистических обществ и философская герменевтика его «секретов», одним из которых является символизм с его теплотой сплывающей тайны, со связью его архетипов с определенными символами, с его сознательной и бессознательной энергией, которая и действует как совокупность архетипов и стоящих за ними символов, которая питает коллективистические общества такими творческими импульсами, которые не могут быть инерентными обществам преимущественно индивидуалистическим, в которых мощные социально-психологические аттитуды (установки) коллективистических обществ просто немыслимы.

«Коллективистическому мышлению свойственен глубокий и безысходный символизм, — пишет российский философ А.А. Ивин. — Вся природа и все общество — символ теоретического, идеального мира...» [1, с. 142]. В Новое время коллективизм Средних веков стал сдавать позиции воинствующему индивидуализму. Процесс этот начался серией так называемых буржуазных революций: в Нидерландах, в Англии, Франции. В 1848 году третья по счету революция во Франции стала детонатором цепи революций в Европе, которую почему-то называли «весной народов». Но коллективистические монархические государства в Австрии, Пруссии и, конечно же, в России устояли. Но после первой мировой войны такие коллективистические государства как Австрийская, Германская, Российская и Турецкая империи исчезли с лица земли. Но индивидуалистические демократи-

ческие общества не оказались жизнестойкими в наиболее пострадавших от войны странах. Коллективизм быстро восстановил в них свои позиции в форме диктатуры пролетариата в России и в форме фашистской диктатуры в Германии. Тоталитарные коллективистические общества в СССР и фашистских государствах, сначала в Италии и Португалии, а затем в Германии, Испании, Венгрии, Румынии и Болгарии оказались не менее символическими, чем коллективистические общества Древнего мира и Средних веков. «Символизм тоталитарных обществ не менее очевиден, чем символизм средневековой культуры, — пишет А.А. Ивин. — Бросается в глаза уже обилие тоталитарных символов, их бесконечная повторяемость» [1, с. 146].

Одним из первых ключевых символов советского государства стало забальзамированное тело его основателя В.И. Ленина, выставленное в специально построенном на Красной площади в Москве мавзолее. Но это будет после смерти вождя. Первый же такой символ был создан за одну ночь перед празднованием первой годовщины прихода большевиков к власти. Готовясь к юбилею, в Москве, где совершенно не было ткани, вывесили тысячи красных флагов (тоже символов советской власти) и только к ночи вспомнили, что забыли соорудить самое главное — трибуну, с которой в девять утра должен был произнести речь оправившийся от ран Ленин. Трибуну строила всю ночь при свете костров «бригада профессоров-интеллигентов», их пригнали «для принудительного трудового воспитания» (еще один символ власти победившего пролетариата). В восемь утра трибуна выросла, и Ленин говорил с нее речь. Под трибуной стоял приехавший Л.Д. Троцкий. Как наследник... [2, с. 167], что также было символично, причем настолько, что, даже не относясь к символам с таким трепетом как Сталин, Л.Д. Троцкий стал считать себя наследником Ленина («бедный, самоуверенный Троцкий, уверенный до конца жизни, что Ленин считал его своим наследником!» — сорвалось как-то у Эдварда Радзинского) [2, с. 204-205], но не Ленин считал Троцкого своим преемником, это так невольно показалось Троцкому). Конечно, всего этого не мог не оценить Сталин, созданный Лениным как партийный лидер в качестве если не антипода, то хотя бы противовеса Л.Д. Троцкому. В 1922 году И.В. Сталин с подачи Ленина станет Генеральным секретарём ЦК РКП/б/. «На том месте, где выступал Ленин, — замечает Эдвард Радзинский, — Коба (партийная кличка Сталина — М.М.) воздвигнет Мавзолей. Он станет новой трибуной, где Коба будет строить по рангу своих соратников. Место на этой трибуне будет означать принадлежность к Власти» [2, с. 167]. Сами похороны Ленина носили подчеркнуто символический характер, чего на этот раз недооценил Л.Д. Троцкий, не появившийся на похоронах. Л.Д. Троцкий не был символом. Он не знал, что символ силен именно многократным предъявлением, на что мы, разрабатывая концепцию парадигмальных образов и символов эпох и

цивилизаций как категорий философии истории, неоднократно указывали. Б.Н. Ельцина, поднявшегося на танк, зауважали. В СССР поколения людей видели в фильмах В.И. Ленина на броневике (и не важно, что в реальности В.И. Ленин на броневике не залезал). В фашистской Португалии фильмов о Ленине не показывали, и залезшего на БТР лидера португальских коммунистов Алвару Куньяла Кабрала не поняли. Однократного появления Л.Д. Троцкого перед народом в качестве преемника вождя пусть и в день первой годовщины победоносной революции было явно мало. Мавзолей же как символ создавался на века, и на похоронах Ленина народ видел уже не Троцкого, а Сталина, первого поклонившегося телу вождя. Сами похороны Ленина носили подчеркнуто символический характер, чего явно недооценил Троцкий, даже не появившийся на похоронах. Ошибкой Л.Д. Троцкого было и прижизненное отношение его к вождю, которого Лев Давыдович, в отличие от Сталина не боготворил, а Сталин уже в начале века имел шутовское прозвище «левой ноги Ленина» [3, с. 91]. В символичности похорон Ленина ничего особенного в общем-то не было. Россия не так далеко ушла от феодального, символистического по своей природе общества, чтобы не превратить похороны «вождя» в подчеркнуто символистическое действие. Подробнее об этом можно прочесть у А.Я. Гуревича в его «Ментальности» в «Опыте словаря нового мышления» [4, с. 455].

Даже сама идея выставить гроб с телом Ленина на всеобщее обозрение принадлежала, как утверждают, Сталину. Не поддержали эту идею родственники Ленина, а Троцкий, Бухарин и Каменев даже протестовали. Сталин глубже, чем кто-либо из его тогдашних соратников по партии, схватывал еще не совсем ясную суть того общества, которое предстояло построить, и его не могло остановить и то, что идея сохранения тела Ленина слабо согласовывалась и с христианской традицией (строго-то говоря, христианство в России было густо опутано языческими пережитками), и с духом «революционного» учения марксизма-ленинизма. Но зато идея эта была совершенно в духе восточных деспотий и уж, конечно, в духе того тоталитарного коллективистического общества, которое Сталин планировал создать и создаст в России. Чтобы стать подлинным символом, «похороны Ленина» были постепенно очищены от части внешних деталей, мешавших внешнему выражению внутреннего содержания этого символа. На похоронах выступало около десятка ораторов, позже в переработанных и отрецензированных советских источниках указывалось, что единственным, кто выступал с прощальной речью, был... Сталин. При этом его речь носила характер поминальной клятвы, показывала, что он готов предпринять «необходимые шаги по воплощению в жизнь ленинских идей, тех самых, от которых даже сам Ленин стал отходить в период своей болезни и которые такие кисейные барышни, как Зиновьев и Троцкий, осуществить были

неспособны» [5, с. 167]. Похороны Ленина должны были предстать в глазах народа как символ передачи власти в руки верного и последовательного ученика ушедшего из жизни вождя. Первый вождь первого в мире государства «рабочих и крестьян» был не чужд преклонения перед символами. Как и средневековой генуэзский епископ Яков де Воранже, наделявший святую воду собственной силой изгонять бесов, В.И. Ленин наделил неодушевленную материю свойством, родственным человеческим психическим процессам. К такому «открытию» В.И. Ленин пришел в 1908 году, работая над своим самым значительным философским трудом «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин любил понятие «социал-демократия», но когда его осенило, что «самый справедливый общественный строй» не утвердится без диктатуры пролетариата, которая, по убеждению Ленина «есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами», то он решил срочно изменить название своей партии с социал-демократической на коммунистическую. Старое могло бы помешать успешному проведению в жизнь диктатуры.

Диктатура весьма импонировала и новому вождю, и, укрепляя свою личную диктатуру, Сталин всегда ссылался на авторитет Ленина, авторитет, который новый вождь культивировал всячески, для чего ему и нужно было придание авторитету Ленина силы символа. Причем понимал эту силу Сталин так же, как и представитель чикагской школы символического интеракционизма Тамотсу Шибутани, который писал, что «символы могут заставить людей вступить в священную войну, предпринять опасное паломничество, участвовать в отвратительном линчевании или погибать, героически защищая безнадежное дело» [6, с. 105, 7, с. 108]. Интересно, что также понимал значение символа и Гитлер, сменивший намекавшую на еврейское происхождение фамилию Шикльгрубер (копатель шиклей, известных нам в греческом звучании ветхозаветных сиклей, а в современном государстве Израиль шекелей, то есть денег – М.М.) на Гитлер. И Гитлер, и Сталин создавали культ своих личностей. Правда, Гитлер был первым фюрером (вождем), а Сталин – вождем вторым. При этом Сталину было гораздо легче – ведь он мог и эксплуатировал в свою пользу авторитет первого вождя. Опираясь на авторитет Ленина, Сталин и ликвидировал своих политических оппонентов: и Троцкого, которого первый вождь называл частенько «иудушкой» и вменял ему ни мало ни много как ... «небольшевизм» [6, с. 345], и Каменева и Зиновьева, которых вождь именoval «политическими проститутками» и считал их «октябрьский эпизод» (предательское опубликование в меньшевистской печати планов большевистского «вооруженного восстания» – М.М.) «не случайным» [6, с. 345], а заодно и Бухарина, которого вождь называл «любимцем партии» [6, с. 345], но... обвинял в незнании диалектики [6, с. 345]. Одно только могло бросить тень на Сталина –

это ленинское «Письмо к съезду» [6, с. 343-348], но о «совершенно секретном документе», который Н.К. Крупская должна была огласить на первом же съезде партии после смерти В.И. Ленина, с легкой руки «верной» секретарши В.И. Ленина Л.А. Фотиевой узнали и Сталин, и Троцкий, и Каменев. Н.К. Крупскую на съезд не пустили. Она выполнила завещание вождя и мужа, она зачитывала «Письмо к съезду» прибывавшим на съезд делегациям. И.В. Сталин, как верный ученик вождя, символически покаялся на съезде и сумел сохранить свой пост. У прочих же на покаяние перед съездом ума не хватило. Но, на всякий случай, всех делегатов злополучного съезда Сталин уничтожит, а о «письме к съезду» надолго забудут, вспомнят о нем лишь после смерти вождя второго. О том, как секретное завещание вождя попало к Сталину, можно почитать у Эдварда Радзинского [2, с. 204-225]. Н.К. Крупскую заставят замолчать под угрозой, что для вождя найдут «новую вдову». Затем быстро и при непонятных обстоятельствах уйдет из жизни Мария Ильинична Ульянова, которую В.И. Ленин одно время хотел видеть женой Сталина. А потом, скушав в день своего рождения присланный Сталиным торт, умрет и сама Надежда Константиновна. И ничто уже не затмит сияние символа нового вождя, восторженные последователи которого будут идти на смерть со словами «За Родину! За Сталина!». С истукпленными криками «Хайль Гитлер!» пойдут на завоевание мира миллионы немцев. Вот она – сила символа.

Главным символическим цветом советской власти стал красный, цвет пролетарской революции. Красным был флаг у фашистской Германии и у правящей в ней фашистской партии. Ведь НСДАП (National-Sozialistische Deutsche Arbeiter Partei), или фашистская партия, была «социалистической» и «рабочей» (в полном переводе название партии будет Национал-социалистическая Немецкая Рабочая Партия – М.М). У фашистов и коммунистов будет и общий праздник – 1 Мая – Праздник Труда. В остальном, правда, символические знаки были различными: серп и молот и красная звезда у коммунистов и индийская свастика (знак солнца у индо-арийских племен) у немецких фашистов. В отличие от фашистов итальянских, носивших черные рубашки, немецкие стали носить коричневые. Мода на синие рубашки в СССР быстро прошла. Помешала песня «Мы синеглазники, мы профсоюзники». Какие-то профсоюзники. Партия превыше всего. Что «ум, честь и совесть нашей эпохи»? Конечно же, партия. Профсоюзы, в которых состояло сто процентов трудящихся СССР, не могли стать законодателем моды, а партия своей моды так и не выработала. У фашистов законодателем моды на символы была, конечно, фашистская Германия, но что-то досталось и итальянцам, первооткрывателям этого движения. Само слово фашизм итальянского происхождения (*fascio*, фашо – фасция, *fascia* римских ликторов, связка, в которую охранники римских консулов и преторов ликторы вклады-

вали свои топоры – М.М.). И у фашистов, и у коммунистов символы присутствовали повсюду. И символы эти переживали породившие их общества. В Калининграде, по крайней мере до конца 80-х годов прошлого века, чугунные канализационные люки были с фашистской свастикой, а в Москве на кремлевских башнях до сих пор горят рубиновые красные звезды. Как, между прочим, двуглавые орлы долгое время венчали башни того же самого Кремля, ставшего уже крепостью государства советских коммунистов в Москве. Такова онтология символов коллективистических обществ.

Символичность становится в тоталитарных обществах Новейшего времени, как и в Средние века, главным мотивом принятия важных решений: символы здесь, как и во всяком коллективистическом обществе, управляют реальностью. Символы становятся основой принятия решения – вся гносеология коллективистических обществ основана на операциях с символами. Все действия оцениваются с точки зрения их символичности – вот вся аксиология коллективистического общества, все решения основываются на подчинении практических действий символическим, а не иным целям, иной праксеологии коллективистические общества не знают. Когда 28 марта 1945 года главнокомандующий войсками союзников американский генерал Д. Эйзенхауэр направил непосредственно Сталину письмо, в котором сообщал, что по военным соображениям основной удар союзников будет нацелен не на Берлин, а южнее, Сталин не мог поверить в свою удачу, и сделал все, чтобы полностью воспользоваться ею, учитывая первостепенное символическое значение взятия Берлина. Западные союзники исходили из того, что, поскольку Берлин будет внутри советской зоны (вопрос о зонах оккупации был уже решен в Ялте), то их войскам нет смысла проливать за него кровь. Западные союзники думали о захватах неподеленных территорий в Австрии и Чехословакии. Западные союзники думали о захватах территорий. Сталин же думал о символе. Но, испугавшись коварства союзников и полагая, что они также думают больше о символах, чем о чем бы то ни было реальном, Сталин в своем ответе от 1 апреля 1945 года похвалил Д. Эйзенхауэра, согласившись с тем, что Берлин утратил прежнее стратегическое значение, и не без хитрости сообщил, что на взятие Берлина будут направлены лишь второстепенные советские силы. Взятие Берлина Красной армией – без участия союзников – могло стать и стало не только ярким символом победы русских над Германией, но и символом превосходства социализма не только над фашизмом, но и даже над самим капитализмом, о чем Сталин вскоре не преминул упомянуть. Разделить честь символической победы над Германией Сталин предоставил лишь полякам, настоящим и будущим сателлитам и будущим строителям общества, подобного тому, которое построил в СССР Сталин. Это даст потом хвастливым полякам повод петь “*Wojsko polskie Berlin bralo, ruskie troche pomagalo*” (войско польске Берлин брало, русске трохе помагало). Дорого

обошлась Берлинская операция и советским войскам. Их безвозвратные потери составили 78 291 человек, а санитарные – 274 184 человек. Страшные потери несли танкисты в ходе уличных боев в Берлине [8, с. 386]. Сталин не поспешил на награды героям штурма Берлина. 1082 тысяч человек были награждены медалью «За взятие Берлина», десятки тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были награждены орденами, 187 частям и соединениям, наиболее отличившимся при штурме вражеской столицы, было присвоено почетное наименование Берлинских. Более 600 участников Берлинской операции были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. [8, с. 387]. Американский генерал Д. Эйзенхауэр руководствовался военной стратегией, задачей захвата под контроль западных держав новых, не поделенных членами антигитлеровской коалиции, территорий, сбережением живой силы и техники, Сталин же – даже не политической, а скорее символистической стратегией, в которой главным было не захват территорий, а ... борьба за символы. Интересно, что такой же символистической, свойственной коллективистическим, а не индивидуалистическим обществам стратегией руководствовался в 1941 году и Гитлер, избрав направлением главного удара Москву, во что не хотел верить Сталин, считая Гитлера не таким уж символистом, как он сам, а прежде всего военным стратегом. Но бывший ефрейтор Шикльгубер повел себя не как полководец, а как такой же приверженец символов, как и Сталин. Праксеологическое значение символа в коллективистическом обществе настолько велико, что в СССР практически не работал тезис марксистов о практике как критерии истины, а символизм общественной жизни принимал зачастую немисливо уродливые формы.

Символизм проник и в советскую внешнюю политику. Доказательства этому приводит А. Уткин в статье «Встречи в верхах – от Петра до Ельцина. Как восточный символизм борется с западным анализом», опубликованной в 1995 году в «Литературной газете». Так в ноябре 1943 года во время встречи глав держав антигитлеровской коалиции в Тегеране Сталин использовал всю доступную ему дипломатию символов и жестов, направленную на установление дружественности. Он без понуканий, широким жестом пообещал вступить в войну с Японией два-три месяца спустя после окончания войны в Европе. Ему не было равных в тостах, он взвешивал каждый свой жест. И позднее, в Ялте и Потсдаме, задача изучать карту передавалась помощникам. Черчилль, а не Сталин скрупулезно, в процентах обозначал будущее влияние СССР и Запада в странах Восточной Европы. Сталин лишь мельком взглянул в листок с цифрами и кивнул. Такие жесты Сталина, как вывод советских войск из Ирана, были из той же череды жестов-символов. И ничто не могло обидеть его больше, чем несогласованная остановка поставок по ленд-лизу. Для Трумэна же в последнем случае проблемы не было: по договору помощь оказывается лишь в военное время, оно для СССР прекратилось 9 мая 1945

года. Н.С. Хрущев шел тем же, что и Сталин путем. Для Хрущева были важны: пролет шпиона Гарри Пауэрса над советской территорией накануне встречи в верхах в Париже, молчание Дж. Кеннеди на переговорах в Вене (1961), где, как сообщали советские средства массовой информации, молодой американский президент «учился» у опытного советского лидера, личные письма Дж. Кеннеди Н.С. Хрущеву в декабре 1962 года, давшие возможность хрущовского обещания вывести советские ракеты с Кубы. Поклоннику символов, а не здравого смысла Хрущеву не пришло в голову приравнять советские ракеты на Кубе к американским в Турции, что сразу же направило бы спор в рациональное русло. Кеннеди же не нужно было даже убеждать, по своей рациональной логике он молча вывел ракеты с турецкой территории. Борьба символизма с анализом была продолжена в годы правления Л.И. Брежнева. В Сан-Клементе, наотрез отказавшись от предоставленной ему резиденции, он поселился в маленькой комнате спешно выселенной дочери президента Р. Никсона. Дождавшись темноты, советский лидер с шалью для супруги президента и неизбежным российским сувениром постучался в спальню соседа. Вручив со слезами на глазах подарки, он предложил радикально решить китайский вопрос с юга и с севера. Единственное, на что здесь следует обратить внимание – это не противостояние восточного и западного менталитетов, а столкновение коллективистической (или заметно тяготеющей к коллективизму) культуры с индивидуалистической культурой. Первая постоянно склоняется к символу и символическому жесту, пренебрегая рациональной, сциентистской аргументацией, в то время как вторая, оставаясь в целом равнодушной к символам и связанным с ними эмоциям, обращается в первую очередь к анализу и конкретным, обращенным к разуму доводам. А.А. Ивин считает большим упрощением «говорить просто о «Западе» и «Востоке» и не уточнять, что Запад – это индивидуалистическое западное общество, а Восток – это типично коллективистическое советское общество или общество явно коллективистического типа» [1, с. 151].

Ярким примером гносеологического, аксеологического и праксеологического давления символа на внешнюю политику СССР может послужить сомалийско-эфиопский вооруженный конфликт 1977 года, когда посол СССР в Сомалийской Демократической Республике Георгий Егорович Самсонов продолжал поддерживать агрессора Сомали (страну «социалистической» ориентации), а советское руководство перешло к поддержке новой, более крупной страны социалистической ориентации, Эфиопии, принявшей после свержения монархии официальное наименование Социалистическая Эфиопия. И все были с точки зрения символизма правы.

В итоге можно выделить следующие особенности коллективистической символизации:

1. Коллективистический символизм чаще всего непосредственно связан со спекулятивной ориентацией коллективистического мышления, с удвоением мира, введением, наряду с реальным, также умопостигаемого (небесного, будущего и т. п. мира) и провозглашением приоритета последнего.

2. Реальный мир предстает в коллективистическом обществе как символ умозрительного, так что в сфере символизации сохраняется приоритет умопостигаемого мира над земным. Причем все это одинаково характерно для обществ как сугубо религиозных, так и сугубо атеистических, несмотря на весь провозглашаемый в качестве идеологии самых безбожных обществ диалектический, исторический и прочий материализм. Если не верите, то вспомните обожествление Ленина. Атеисты-коммунисты нередко применяли символы религиозного сознания в качестве логической аргументации. Так, на секретном Пленуме ЦК КПСС после XXII съезда КПСС, на котором решалась судьба находившегося в Мавзолее Ленина и Сталина саркофага И.В. Сталина в качестве аргумента фигурировало... мнение мёртвого В.И. Ленина, высказанное при «общении» с одной старой большевичкой, что ему неудобно лежать рядом с таким человеком как И.В. Сталин.

3. Связь умозрительных и чувственно данных объектов является также символической. Это не причинная или функциональная связь, а связь представления одного объекта другим, связь «заместительствования», имеющая определенную направленность.

4. Реальные (земные) объекты служат преимущественно для того, чтобы через них познавалось иное, более высокое содержание.

5. Различие между символом и символизируемым объектом не является жестким и однозначным, между ними нет пропасти, а есть масса переходов, что во многих случаях дает возможность оборачивания отношения «символ – символизируемая вещь». Интересно, что для воспитанного в индивидуалистическом обществе французского философа-традиционалиста Рене Генона такое не всегда возможно «высшее никогда не может символизировать низшее, хотя обратное верно».

6. Важным является не только содержание, стоящее за символом, но и содержание, заключающееся в нем самом, в силу чего символ представляет собой как бы модель символизируемой им вещи, и его исследование оказывается способным пролить свет на свойство последней.

7. Предметные, чувственно воспринимаемые свойства символа являются неразвернутым представлением умозрительного объекта; чтобы постичь это представление, надо его развернуть, причем процесс разворачивания постепенен и допускает беспредельное углубление.

8. Символы объективны в том смысле, что они мыслятся не созданными человеком и не зависящими от субъективного произвола, человек спосо-

бен лишь раскрыть в какой-то мере их внутреннее и внешнее содержание, но не изменить и не отменить их.

9. Объекты умозрительного мира подчиняют себе чувственно данные вещи, делают их своими символами и управляют ими.

10. Коллективистические символы чрезвычайно устойчивы, ключевые из них (подобны кресту, серпу и молоту, красной звезде, фашистской свастике) бесконечно повторяются.

11. Для коллективистического общества типичны целые цепи символов и их иерархии, включающие несколько уровней, когда символизируемая вещь сама является символом вещей более высокого порядка, а те, в свою очередь, представляют собой символы.

12. Символами могут быть не только предметы в обычном смысле, те или иные графические знаки, но и свойства, отношения, слова (свет и тьма, «правое» и «левое», красный, черный, коричневый, голубой, оранжевый и иные цвета, гвоздики, особенно красные, розы, тюльпаны и иные цветы и т.д.).

13. Коллективистический символизм иерархичен и иерархичен он в том смысле, что символизируемая вещь относится к более высокому уровню коллективистической иерархии, чем сам символ.

14. Вершина этой иерархии (Бог, коммунизм, чисто арийское государство) является внесимволичной. Только эта вершина представляет саму себя ничто иное. Внешнее содержание этого символа совпадает с внутренним содержанием. Здесь символизируемое и символизирующее никак не могут меняться местами. Как уже говорилось, Рене Генон вообще отрицает возможность того, чтобы высшее символизировало низшее. «Высшее никогда не может символизировать низшее».

15. Все остальные объекты как реального, так и умозрительного мира имеют и внешнее, и внутреннее содержание и являются, таким образом, символами: они говорят не только о себе, но и об ином.

16. Поскольку символ не просто обозначает символизируемый объект и отсылает к нему (подобно тому, как это делает имя), а представляет и замещает этот объект, воздействие на символ, манипуляции с ним являются одновременно манипуляциями с символизируемым объектом.

17. В безбрежном море коллективистических символов имеется ядро доминантных символов (обычно весьма многозначных) и большое число зависящих от них, энклитических символов, символов, примыкающих к ядру-символу. Термин «энклитический символ» взят из лингвистики, где этот термин применяется к безударным словам, фонетически примыкающим к предшествующему ударному. Восходит к греческому «энклитикос», т.е. наклоняющийся назад.

18. Вся совокупность символов образует достаточно стройную и последовательную систему, в которой доминантные символы служат опорными точками, придающими ей стабильность.

19. Символизм коллективистического общества усиливает его «мобилизационные возможности», придает ему дополнительную устойчивость

20. Если коллективистическое общество укрепляется всеобъемлющим символизмом, то и развалить его можно также «символическим оружием».

21. Коллективистические общества в силу их всеобъемлющего символизма труднее привести к краху, но если последнее удастся, то такой крах всегда сопровождается катастрофическими последствиями.

### ***Библиографический список***

1. Ивин А.А. Введение в философию истории: Учеб. пособие / А.А. Ивин. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1977. — 288 с.
2. Радзинский Э. Сталин / Э. Радзинский. — М.: ВАГРИУС, 1997. — 642 с.
3. Трубайчук А.Ф. Брудершафт двох диктаторів / А.Ф. Трубайчук. — К.: Асоціація істориків «Істина», 1993. — 336 с.
4. Гуревич А.Я. Ментальность / А.Я. Гуревич // Опыт словаря нового мышления. — М., 1989. — С. 455.
5. Буллок А. Гитлер и Сталин. В двух томах / А. Буллок. — Смоленск, 1994. — Т. 1. — 545 с.
6. Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Общая редакция и послесловие проф. Г.В. Осипова / Т. Шибутани. — М.: Прогресс, 1969. — 536 с.
7. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращенный пер. с англ. В.Б. Ольшанского / Т. Шибутани. — М.: Астана: Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 544 с.
8. Берлинская операция 1945 // Советская Военная Энциклопедия: В 8 томах // Пред. гл. ред. комиссии М.А. Моисеев. — 2-е изд. — Т.1: «А»—Бюлов. — М.: Воениздат, 1990. — 543 с.: 30 л. ил. — С. 383–387.

*Поступила в редакцию 20.11.2006 г.*